

социальной", обусловливаются недолговечностью и новизной жизни. Процессы, а также избыток выбора у людей будущего. В работе [1] О. Тоффлер делает вывод, что упадок индустриального общества -- это бифуркация цивилизации, а возникновению более дифференцированного общества III волны -- это переход к новой структуре в мировом масштабе. В итоге, не вступая в противоречие с универсальным критерием эволюции И. Пригожина-И. Гленсдорфа, для правильного инициирования необходимых человеку тенденций саморазвития цивилизации О. Тоффлер предлагает разрабатывать [3]:

- новые социальные службы, укрепляющие адаптационные функции личности;
- новые способы управления техногенным фактором при дальнейшей диверсификации рыночных отношений;
- стратегию установления контроля над переменами в масштабах всей Земли.

Литература

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. -- М.: Прогресс, 1986.
2. Тоффлер О. Столкновение с будущим //Иностр. лит. -- 1972. -- № 3. -- С. 228-256.
3. Тоффлер О. Прогнозы и предпосылки //Социол. исслед. -- 1987. -- № 5. -- С. 37-54.

О РЕАБИЛИТАЦИИ ИМЕНИ ФИБИГЕРА, ИЛИ О ПОЛЬЗЕ ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ

И.Э. Лалаянц (Москва)

Автору уже неоднократно приходилось выступать в печати в защиту несправедливо "осужденного" современниками Йонса Фибигера, удостоенного Нобелевской премии по физиологии или медицине в 1927 г. (за 1926 г.). История Фибигера заслужи-

вает самого пристального внимания уже по той причине, что этого добросовестного ученого обвинили в самом страшном грехе, а именно -- в научной недобросовестности. Восстановление доброго имени датского профессора патологии из Копенгагенского университета заслуживает также внимания и в более общем аспекте формирования научного знания как некоей философской данности в ее развитии.

Йонс Фибигер был учеником немца Э. Беринга, первого нобелевского лауреата в области физиологии или медицины, а также Р. Коха, получившего премию в 1905 г. Открытие, сделанное Фибигером в области изучения рака, было случайным, но тем больше хвала его наблюдательности. Вполне возможно, что к этому его невольно подтолкнул Р. Кох, открывший возбудителя туберкулеза, названного "палочкой Коха". Фибигер изучал туберкулез, заражая им лабораторных мышей. Какое же было удивление Фибигера, когда у трех подопытных животных он обнаружил раковые опухоли желудка, внутри которых сидели червеобразные личинки тропического насекомого, яйца которого попали в рацион мышей с сахаром, завозившимся из Вост-Индии (с одного из островов Карибского моря). Учитывая бурное развитие в начале века медицинской паразитологии, можно понять, почему датский профессор увидел в личинках агента, вызывающего развитие раковых опухолей. Можно сказать, что это "логическое" заключение было сделано в рамках существовавшей тогда парадигмы знаний -- явно неполной и искаженной в силу ее неполноты.

Была у этой проблемы и другой аспект, имеющий важное философское значение. Сознание ученого -- при всех внешних требованиях к объективности его логического аппарата, -- неизменно остается "лейбловым", то есть опирающимся на внутреннюю систему вековых ярлыков, которая формируется значительно раньше в его мозгу. Об этом еще в 1890 г. писал английский физиолог У. Джеймс: "Вещи, которые мы видим, это то, что мы подготовлены своим предыдущим опытом видеть, которые несут на себе бирки-лейблы, отпечатавшиеся в нашем сознании. И

если мы по какой-то причине потеряли эту систему лейблов, мы оказываемся потерянными посреди нашего мира, интеллектуально дезориентированными в нем" [1].

Таким лейблом для многих поколений ученых являлась "внешняя угроза" — представление о болезнях, которые вызываются внешними агентами. Только сегодня мы поняли наконец-то, что болезни вызывают не внешние агенты, а наша внутренняя генетическая предрасположенность к ним, и пример рака в этом отношении является весьма информативным.

Естественно, что менталитет Фибигера формировался под влиянием "уличной" пропаганды о внешнем враге, поэтому естественно, что он увидел в экзогенной личинке причину рака. Интересно при этом отметить, что сам факт опухоли желудка у мышей никто никогда не подвергал сомнению. Сомнению — вскоре после смерти Фибигера, — подверглась его трактовка наблюдения. Она-то и была отвергнута.

Лишь через сорок лет нобелевские лауреаты согласились с трактовкой американца П. Рауса, открывшего первый раковый вирус (вирус саркомы кур, — названный, в его честь, ВСР). Вирусная гипотеза, однако, продержалась недолго, поскольку в 1976 г. американцы М. Бишоп и Г. Вармус открыли первый онкоген, переносимый из клетки в клетку ВСР.

Онкогенами называются клеточные гены, способные при определенных состояниях и условиях вызывать раковую трансформацию клеток. Таким образом, причина рака коренится внутри самих наших клеток, в нашем геноме, то есть совокупности наших генов. В 1989 г. Вармус и Бишоп были удостоены премии, однако за четыре года до этого был открыт первый ген-протектор (супрессор), и причину рака стали видеть именно в его "отключении" или даже отсутствии. Так была отвергнута трактовка, базировавшаяся на концепции онкогена. Еще раз мы явились свидетелями отрицания отрицания: трактовка Рауса отвергала объяснение Фибигера, в свою очередь видение Рауса было отринуту Вармусом и Бишопом, которые в свою оче-

редь тоже увидели лишь малую толику сложнейшей мозаики жизни. И все же Фибигер был прав, поскольку не надо забывать, что его мыши были заражены туберкулезом, при котором "отключается" иммунитет. Это подтверждается тем, что при СПИДе тоже наблюдаются злокачественные опухоли. Реабилитируем же датчанина!

Литература

1. Nature. — 1993. — № 6427. — С. 298.
2. Лалаянц И.Э. //Поиск. — 1993. — № 20. — С. 4.
3. Лалаянц И.Э., Милованова Л.С. Нобелевские премии по медицине и физиологии. — М.: Знание, 1991.

ДАДУТ ЛИ НОБЕЛЕВСКУЮ КЭРИ МУЛЛИСУ?

И.Э. Лалаянц (Москва)

Хорошо известно, что нобелевские премии довольно часто даются, по крайней мере в области медицины и химии, за создание того или иного исследовательского метода или прибора. Свидетелями именно такой тенденции мы являемся на протяжении послевоенных десятилетий. Это неудивительно, поскольку определенная часть науки является прикладной и служит развитию индустрии и технологии, черпая свои идеи в материальном производстве и технологическом обеспечении научных исследований, а не в углублении абстрактного знания и теорий.

В литературе, посвященной определению процессов выпячивания решений соответствующих комитетов в Стокгольме, можно найти многочисленные примеры подобного подхода к выбору и награждению кандидатов. Можно дискутировать по поводу "справедливости" подобных решений, тем более, что в истории премий имеются случаи споров о приоритете и соавторстве, которым пришлось "утрачивать" с помощью денежных донаций надоевшим и "обделенным" вниманием.